

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 103–111.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 2 (83):103–111.

Научная статья

УДК 821.161.1.09«18»

DOI 10.37724/RSU.2024.83.2.011

Мифологизация степного пространства в творчестве писателей XIX века

Анастасия Алексеевна Сторожева

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
a.storozheva06@bk.ru

Аннотация. Изучение мифогенного потенциала пространственных художественных образов является перспективным направлением отечественного литературоведения. Степное пространство рассматривается как важная часть национальной картины мира русских писателей XIX века. Степь — не только часть географического ландшафта, но и особое культурное пространство, которое влияет на особенности менталитета местного населения, является местом зарождения и бытования самобытных традиций и мифов, сформированных на стыке разных культур. Объектом исследования в статье выступают произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского, А. Ф. Писемского, А. П. Чехова, М. Горького, отразившие степную мифологию. Анализируя творческое наследие названных писателей, мы пришли к выводу, что степь несет в себе широкий круг семантических значений. Степное пространство, отличающееся уникальной историей и культурой, несомненно, обладает способностью генерировать мифопоэтические образы. Степная мифологема, по сути своей антропоцентричная, порождает особый тип героя — свободного, смелого, сильного духовно и физически. Формирование культурного кода степи в первые десятилетия XIX века начинается с осмысления ее как «величественного», «безграничного», «свободного» пространства. В подобной художественной интерпретации степного пространства прослеживается стереотипное восприятие, справедливое с одной стороны, но несколько романтизированное с другой. Степные реалии, отраженные в произведениях второй половины века, зачастую разочаровывали авторов, бескрайность и однообразие навевали «мысли тягучие». Разрушался сложившийся миф, но степные знаки-символы (курганы, могильники, каменные бабы и т. д.) порождали образы, связанные с историческим прошлым данного пространства — со временами могущества кочевников. В произведениях конца XIX века запечатлены актуальные для времени реалии степи, происходила маргинализация данного пространства.

Ключевые слова: литература XIX века, миф, мифологизм, степь, пространство, образ.

Для цитирования: Сторожева А. А. Мифологизация степного пространства в творчестве писателей XIX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 103–111. DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.011.

Original article

Mythologization of steppe space in the works of writers of the 19th century

Anastasia A. Storozheva

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
a.storozheva06@bk.ru

Abstract. The study of mythogenic potential of spatial artistic images is a promising area of Russian literary studies. The steppe space is considered as an important part of the national worldview of Russian writers in the 19th century. The steppe is not only a part of the geographical landscape, but also a special cultural space, which influences the peculiarities of the mentality of the local population, is the place of origin and existence of

original traditions and myths formed at the junction of different cultures. The object of research here are works of A. S. Pushkin, N. V. Gogol, M. Y. Lermontov, J. P. Polonsky, A. F. Pisemsky, A. P. Chekhov, M. Gorky, which reflect the steppe mythology. Analyzing the creative heritage of these writers, we came to the conclusion that the steppe carries a wide range of semantic meanings. The steppe space, characterized by a unique history and culture, undoubtedly has the ability to generate mythopoetic images. Steppe mythologeme, essentially anthropocentric, generates a special type of hero — free, brave, strong spiritually and physically. The formation of the cultural code of the steppe in the first decades of the 19th century begins with the conceptualization of the steppe as a “majestic,” “boundless,” “free” space. This artistic interpretation of the steppe traces a stereotypical perception, fair on the one hand, but somewhat romanticized. The steppe realities reflected in the works of the second half of the century often disappointed the authors; the vastness and monotony of the steppe inspired “lingering thoughts.” The established myth was being destroyed, but steppe signs and symbols (grave stones, burial mounds, stone statues of women, etc.) gave rise to images connected with the historical past of this space — with the times of nomadic power. The late 19th-century works depict the realities of the steppe relevant to the time when marginalization of this space was taking place.

Keywords: literature of the 19th century, myth, mythologism, steppe, area, image.

For citation: Storozheva A. A. Mythologization of steppe space in the works of writers of the 19th century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 2 (83):103–111. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.011.

Введение

Необходимость изучения и внедрения в литературоведческую науку новых материалов о степном тексте продиктована актуализацией интереса к национальному локальному мифу. Стоит отметить, что в современном мире, с противоречивыми и меняющимися точками опоры национального сознания, влияние локального мифа оценивается двояко. Неверная трактовка локального мифа может способствовать стремлению к региональному сепаратизму, что приводит к аномии общества. Но, с другой стороны, изучение локальной мифологии как части культуры многонационального государства способствует сохранению культурно-исторической памяти. Амбивалентное влияние локального мифа на ценности общества рассматривает в своей работе И. Ф. Понизовкина [Понизовкина, 2013, с. 139].

Освоение степного пространства русской литературой XIX века связано с развитием этнографии, сделавшей возможными сбор и обработку фольклорного материала разных народов, населяющих Российскую империю. Исследование степных просторов позволило познакомиться с культурой и обычаями малоизвестных до этого этносов, что способствовало развитию «русской идеи» и пониманию многонационального русского мира. Географическое расположение территории страны связано с особенностями проживающего на ней этноса. Историческое развитие и установившиеся контакты с разными культурами выступают основой для формирования мировоззрения и локального мифа, на что обращают внимание в своих работах Н. И. Надеждин [Надеждин, 1972] и А. А. Соколова [Соколова, 2003]. Теоретические аспекты влияния мифа на литературное творчество выявлены А. Н. Афанасьевым [Афанасьев, 2005], А. А. Потемной [Потемня, 1989], Е. М. Мелетинским [Мелетинский, 2001] и др.

В процессе изучения мифологического контекста произведений мы обращаемся к трудам ученых: Ю. М. Лотмана [Лотман, 1988], С. А. Дубровской [Дубровская, 2011] — в связи с творчеством Н. В. Гоголя; П. С. Иванова [Иванов, 2010] — А. С. Пушкина; В. А. Мануйлова [Мануйлов, 1996], А. Н. Немзера [Немзер, 2001] — М. Ю. Лермонтова; Д. Н. Медриша [Медриш, 1980], В. В. Кондратьевой [Кондратьева, 2013] — А. П. Чехова; Н. К. Пиксанова [Пиксанов, 1938], Н. Н. Иванова [Иванов, 2018] — М. Горького.

В рамках данной статьи устанавливается факт функционирования фольклорно-мифологических представлений о степном пространстве в литературе XIX века, а также их художественная интерпретация и структурно-семантическая роль. Предпринята попытка классификации мифов о степи, в основе которой лежит содержательный принцип. Таким образом, литературоведческое исследование сосредоточено на локальном степном мифе и его литературной репрезентации. Этим обусловлен предмет исследования — степной миф в русской литературе XIX века, и объект — художественные произведения, сюжетно связанные со степным пространством или содержащие отдельные упоминания о нем.

Основная часть

Анализируя произведения XIX века, мы выделили основные модификации образа степи, связанные с мифологическими представлениями об этом пространстве: степь-мать (параллель с небом-отцом), степь-дом, кочевая степь, степь-свобода, степь преступная. С учетом выстроенной классификации приводятся примеры художественных текстов, наиболее ярко презентующих ту или иную модификацию образа.

Н. А. Бердяев писал о «необъятности русской земли, безграничности русской равнины», отождествляя ее с русской душой, «широкой и устремленной в бесконечность» [Бердяев, 1918, с. 5]. Подобные качества, на наш взгляд, прежде всего свойственны обитателям обширных и исконно существовавших «относительно автономно на просторах донского края» земель (см.: [Кононова, 2007, с. 17]). В отличие от жителя центральной части России, степняк представлял себе «ширь» и «безграничность» более ярко и соотносил с образом степи. Именно со степью он связывал зарождение жизни: степь кормит и дает кров. Отсюда укрепление в сознании степного народа архетипического образа матери сырой земли.

Отношение к земле как к матери всего живого — один из самых древних мифологических культов. В славянском фольклоре часто встречается выражение «мать сыра земля», что означает землю, политую дождем и готовую к зарождению новой жизни. Русский хлебопашец, согласно сборнику пословиц В. И. Даля, называет землю «матушкой или кормилицей» [Даль, 2009, с. 161]. Малороссы издревле особо почитали землю, считали ее святой, что отразилось в просторечных выражениях, например, «земля б его святая не принимала!». Н. В. Гоголь, тонко чувствовавший связь народа со степью, не мог не отразить в своем творчестве эту значимую сакральную мифологему. Отметим, что в его поэтическом творчестве наблюдается родственное местному фольклору изображение малоросского степного пространства и его обитателей («Тарас Бульба», повести из сборника «Миргород»), в то время как в его заметках о степи калмыцкой преобладают другие доминанты (этнографический очерк «Калмыки»). Символична сцена прощания матери с сыновьями в повести «Тарас Бульба». До самого рассвета мать не спала, «она с жаром, со страстию, как степная чайка, вилась над детьми своими», пока «со степи не понеслось громкое ржание жеребенка» [Гоголь, 1938, т. 2, с. 62]. Трогательно простившись с матерью, Остап и Андрий уезжают: «А между тем степь уже давно приняла их в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их» [Там же, с. 75]. Примечательно, что именно в данном эпизоде Гоголь олицетворяет степь, наделяя ее чертами любящей матери. Автор словно показывает, что молодые казаки, простившись «и с играми, и с детством» [Там же, с. 66], все же остаются под покровительством природной матери — степи. С. А. Дубровская пишет, что через степь герои приобщаются к «единому целому народа» — к Сечи [Дубровская, 2011, с. 110].

Стоит отметить, что родственная, кровная связь со степью прослеживается не только в отождествлении ее с матерью, но и в проявлении отеческой любви. В повести «Вий» старый сотник плакал о своей дочери, ласково называя ее «моя полевая нагидочка, моя перепеличка» [Гоголь, 1938, т. 2, с. 291]. Метафоры, связанные со степными образами, отражают «схемы человеческого духа» (по выражению П. А. Флоренского), бессознательно хранящиеся в памяти степного человека [Флоренский, 1994, т. 1, с. 51].

Б. А. Рыбаков указывает, что материнское начало степи как мифологема, сквозь которую проявляется архетип, связано с представлениями об отце — небе [Рыбаков, 1981, с. 428]. Древние скифы, родство которых со славянами убедительно обосновывает Ф. Г. Бергман [Бергман, 1860, с. 17], считали, что Апия-земля, почитаемая матерью, заключила брачный союз с Дивом-небом, отцом богов и людей. Данный миф реализуется в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»: «Голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в волшебных объятиях своих!» [Гоголь, 1940, т. 1, с. 194]; «в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю» [Там же, с. 194]. Е. Е. Левкиевская доказывает, что общеевропейский миф о супружестве земли и неба был расхож среди малороссов [Левкиевская, 2010, с. 139] и, осознанно или бессознательно, он был воплощен Гоголем.

Образ степи как микрокосмоса, отделенного от остального мира куполом неба, возникает и в творчестве М. Горького. В мироощущении автора прослеживаются параллели с философией русского космизма, согласно которому земля живет внутри неба, в объятии солнца. Ранние

рассказы автора написаны в традиции русского романтизма. Писатель ищет в современном ему мире неординарных людей, гордых и свободных. Неудовлетворенность поиском заставляет его обратиться к сакральному мифопоэтическому пространству природы. Местом, порождающим и формирующим сильные характеры, становится степь («Только в степи и хорошо, потому что в ней свобода!» [Горький, 1949, т. 1, с. 86]). Сам по себе локус степи обладает большим мифогенным потенциалом, и Горький раскрывает его посредством сказок, мифов и легенд, связанных с этим пространством: история Лойко и Радды, Ларры и Данко, сказка о фее Майе и чабане и т. д. Степь закрыта куполом от внешнего мира («Великий простор этой свободной равнины, покрытый голубым куполом небес» [Там же, 1949, т. 3, с. 530], «Вокруг нас во все стороны богатырским размахом распростерлась степь и, покрытая синим знойным куполом безоблачного неба, лежала, как громадное, круглое, черное блюдо» [Там же, с. 513]), но в своем единстве с небом создает особую геометрическую модель пространства: горизонтальная ось степи — опора для неба («Ему нравилась степь. Днем, идя по ней, он любил смотреть вперед, туда, где свод неба опирается на ее широкую грудь» [Там же, т. 1, с. 115], «Она видела бесконечную ширь степи, начинавшейся сейчас же за лесом и уходившей туда — в розовато-голубую даль, где ее край касался мягкой синевы неба» [Там же, с. 60]).

Обособившись от остального пространства, степь становится природным домом для своих обитателей. Так, в творчестве Гоголя воплотился миф о древней славянской прародине. Степь, прекрасную и плодородную, некогда выжженную татарами, он называл «настоящей отчизной славян, землей древних полян и северян, чистых славянских племен» [Гоголь, 1952, т. 8, с. 75]. Естественно, что постепенно заселявшие ее «козаки» стали считать эту землю домом. По мнению М. Ю. Лотмана, природный дом степи под открытым небом противопоставлен дому вещественному, как неделимое делимому [Лотман, 1988, с. 272]. Быт, нравы и характеры героев Гоголя непосредственно связаны с местом их проживания. Географическое положение (открытая местность, соседство с Польшей и кипчакскими татарами), вынуждающее население постоянно оборонять свой дом, отстаивать свои интересы, религиозные и территориальные, сформировало воинственное казацкое братство. В литературе это отразилось в архетипическом образе степного героя-воина, отчаянного и буйного. Таковыми были Тарас и Остап Бульба, в дальнейшем, в XX веке, — донские казаки М. А. Шолохова.

По-иному интерпретирован миф о степи-доме в творчестве М. Горького. В поисках потерянного рая Данко устремляется в путь, конечной точкой которого является степь как воплощение земного Эдема: «Тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река» [Горький, 1949, т. 1, с. 772]; «Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо» [Там же]. Природный дом не всегда идиллически прекрасен и спокоен — иногда его потрясают стихии. Но и в эти моменты сильный духом человек испытывает восторг, его гармония с природой выливается в песню. В сказке «О маленькой фее и молодом чабане», встретившись со степной грозой, пастух «стоял и пел, и в груди его все горело это могучее, смелое, что позволяло ему одиноко стоять грудью к грозе и не бояться», в отличие от своей лесной подруги, которая от страха лишилась чувств [Там же, с. 93]. В рассказе «Мой спутник» главный герой также в песне выразил свое восхищение грозовой степью: «Голубое пламя, охватившее небо, казалось, горело и в груди моей; и — чем мне было выразить мое великое волнение и мой восторг? Я запел — громко, во всю силу» [Там же, с. 660].

Не боится стихии и другой выходец степей — Емельян Пугачев, образ которого воссоздан А. С. Пушкиным в романе «Капитанская дочка»: для него степь — родной дом, «изъезженный вдоль и поперек» [Пушкин, 1957, т. 6, с. 501]. Во время бурана он, словно степной волк, ориентируется по запаху и безошибочно указывает направление, в котором расположено ближайшее жилище. В «Истории Пугачева» автор также отмечает связь Пугачева и восставших под его предводительством казаков со степью: «Заговорщики были слишком привязаны к своим богатым родным берегам» [Там же, 1958, т. 9, с. 13].

Традиционным в творчестве русских писателей является представление о степи как о воплощении свободы. Подобный стереотип, по нашему мнению, возникает в силу нескольких факторов. Во-первых, степные этносы, находясь в непосредственной близости к Российской империи и периодически прибегая к ее помощи, все же смогли сохранить основы автономии (Гоголь о казаках: «буйная воля их не могла терпеть законов и власти» [Гоголь, 1952, т. 8, с. 77]).

Во-вторых, существовал расхожий среди крестьян, тяготившихся крепостным гнетом, миф о победе в степь, где их ждет вольная жизнь. Степь представлялась свободным пространством, принимающим потоки переселенцев, беглых крестьян и людей, скрывающихся от закона. И, наконец, географические реалии, безусловно, укрепляли данный миф: созерцание бескрайней степной шири наталкивает на мысли о свободе. Размышляя над идеалом «русской свободы», Г. П. Федотов отмечал, что она находит свое воплощение «в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина и разгула» [Федотов, 1992, т. 2, с. 286].

Согласно А. Н. Немзеру, степь как одно из воплощений пространственного мышления М. Ю. Лермонтова несет в себе семантику свободы. Природные зарисовки писателя можно трактовать как аллегорические, философско-символические и реалистические [Немзер, 2001, с. 205]. Герои, находясь в заточении (Вадим в одноименном романе, Бэла в «Герое нашего времени»), грезят о степи-свободе: «Душа ссыхалась; ей нужна была свобода, степь, открытое небо» [Лермонтов, 1957, т. 6, с. 45]; «И ты, изгнанница, плачешь о своих широких раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки» [Там же, с. 382]. Таким образом, два эти слова, «степь» и «свобода», приобретают одинаковое значение, они синонимичны: степь — аллегорическое воплощение свободы. В. А. Мануйлов отмечал: «Пейзаж в реалистических творениях Лермонтова всегда представлен в связи с человеком, с историей, показан в восприятии определенного лица и в определенном душевном состоянии» [Мануйлов, 1996, с. 6]. Психологический параллелизм заключается в том, что свободная степь избавляет героя от тяжких дум, залечивает душевные раны: «Я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра... <...> Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума» [Лермонтов, 1957, т. 6, с. 476]; «...я остался в степи один... <...> Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно» [Там же, с. 564]. Реалистический степной пейзаж в главе романа «Герой нашего времени» «Княжна Мери» имеет также символическое значение.

Миф о степной свободе связан с цыганским мифом русской литературы. В. В. Мароши пишет: «С начала XIX века сложились мифологические позитивные представления о своем Другом — особой степени свободы, смелости, независимости, личной экспрессии» [Мароши, 2019, с. 54]. Мотив ухода в цыганский табор, в степи, сложился во многом благодаря поэме А. С. Пушкина «Цыганы». Алеко уходит в степь вслед за Земфирой, бросив «неволю душных городов», чтобы жить с табором: «Как вольность весел их ночлег и мирный сон под небесами» [Пушкин, 1937, т. 4, с. 199]. Однако уже в данной поэме прослеживаются роковые последствия полной свободы, которые воплотятся в судьбе героев-цыган М. Горького — Лойко Зобара и Радды. Мотив был переосмыслен в творчестве Я. П. Полонского в стихотворении «Песня цыганки». Молодая цыганка рассказывает историю любви, которая заканчивается, когда табор уходит в степь: «Ночь пройдет — и спозаранок / В степь, далеко, милый мой, / Я уйду с толпой цыганок / За кибиткой кочевой» [Полонский, 1885, т. 1, с. 205]. Цыганка не просит возлюбленного следовать за ней, рефреном звучат ее слова: «Ночью нас никто не встретит; / Мы простимся на мосту» [Там же].

К XIX веку еще не были изжиты воспоминания о степных кочевниках и их былом могуществе. Писатели часто встречали напоминания об историческом прошлом — могильники, каменные статуи, курганы, которые в художественной литературе стали образами-символами степи. Подобные знаки напоминают путникам о судьбах степных обитателей и обычаях их исконного населения: «Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю, похоронены наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка» [Пушкин, 1957, т. 6, с. 786]; «Подобный одному из тех безобразных кумиров, кои доньше иногда в степи заволжской на холме поражают нас удивлением» [Лермонтов, 1957, т. 6, с. 116]; «Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались» [Там же, с. 50]; «Попадется на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда» [Чехов, 1977, т. 7, с. 75]. «Каменные бабы», как убедительно доказывают ученые Н. И. Веселовский и Г. А. Федоров-Давыдов, оставлены тюркоязычными племенами, уже — половцами. Каменные изваяния символизировали предков и ставились на возвышенностях [Веселовский, 2010 ; Федоров-Давыдов, 1966]. Курганы связаны с мифом о степных сокровищах, таящихся в недрах земли. Легенды

о кладах имеют различную этимологию. А. Н. Афанасьев приводит миф о степном богатыре Сокольнике и его матери, хранительнице скифского золота, и связывает этот миф со славянской фольклорной традицией [Афанасьев, 2005, с. 177]. Но наиболее распространенными и имеющими реальную основу являются мифы о награбленных разбойниками богатствах, зарытых в степи. С этой интерпретацией народных преданий связан образ пушкинского разбойника Кирджали и сюжет рассказа А. П. Чехова «Счастье».

Нельзя не заметить, что в путевой литературе XIX века постепенно происходит демифологизация образа кочевников. Положение народов степи в этот период было плачевным, их могущество оставалось в прошлом, о чем свидетельствуют заметки Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Дух их бывшего рыцарства заметно упал» [Пушкин, 1957, т. 6, с. 786], а также ироничные замечания писателя: «Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением» [Там же]; «Женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам» [Там же, с. 787]. Гоголь в этнографическом очерке «Калмыки» подробно описывает быт и нравы степняков: «Кочевья их, среди степей рассеянные, имеют вид унывный. <...> Неопрятен калмык страшно. <...> Несмотря, однако ж, на неопрятность и бедность жизни, тощие и почти не производящие степи, калмык здоров, строен и гибок» [Гоголь, 1952, т. 8, с. 227]. Также А. Ф. Писемский отмечает несоответствие стереотипных представлений о кочевниках их реальному облику: «Степняк вряд ли сам по себе способен к улучшению; его надобно сильно понукать и знать, в чем понукать. Проезжая теперь по этим безлюдным и полным безмятежного покоя окрестностям, странно даже подумать, что некогда тут существовало воинственное царство Золотой Орды, но всему прошла своя пора; время поглотило и людей, и силу их, и власть» [Писемский, 1895, т. 2, с. 234].

Однако как бы ни был чужд русскому человеку кочевой быт, писатели отмечали добрый нрав и гостеприимство степных людей, а маргинализация степного пространства в литературе была связана с другим явлением — разбойничеством. Образ степного разбойника, борца с судьбой, стремящегося к свободе, какими были пушкинский Кирджали или атаман из повести Лермонтова «Преступник», постепенно развенчивается. В литературе конца XIX века появляются реалистические образы разбойников-антагонистов, бегущих в степь или промышляющих там грабежом и убийствами. Следы их пребывания, кресты у дороги, встречает Егорушка в повести Чехова «Степь». У костра в ночной степи дед Пантелей рассказывает мифы о злодеяниях, передающиеся из уст в уста, — истории о разбойничьих шайках, об убийствах богатых купцов. Чехов, подтверждая существование устойчивого бессознательного культурного кода, замечает: «...какой страшный рассказ ни Расскажи на Руси... он всегда отзовется в душе слушателя бльью» [Чехов, 1977, т. 7, с. 123]. Д. Н. Медриш считал, что мифы вписаны в произведения Чехова как «органическая часть эстетического народного сознания, подчас художественно неоформленного» [Медриш, 1980, с. 141].

В рассказе Горького «В степи» на большой дороге судьба свела трех героев, о которых автор завуалированно сообщает, что все они имеют отношение к преступному миру. Оголодавшие путники встречают столяра из Афона, идущего домой, и отнимают у него последний хлеб. Ночью столяр был задушен одним из преступников, который не только совершил убийство, но и обобрал столяра и бросил своих спутников [Горький, 1949, т. 3, с. 524]. Таковы степные разбойники — им не чуждо предательство или убийство слабого и обездоленного.

Заключение

Исследование степного мифа в творчестве русских писателей XIX века с позиции теоретико-методологического литературоведческого анализа национального локального мифа позволило прийти к ряду выводов. Степное пространство в литературной интерпретации имеет широкий круг мифологических значений. Степь — родное пространство для выходцев из этого региона и локус, требующий осмысления, а иногда и преодоления существующих стереотипов — для писателей из центральных регионов Российской империи. Создание мифов о степи представляется закономерным процессом с учетом ее удаленности, малоизученности и особенностей культурного и исторического развития.

Связь степи с образом матери, уходящая корнями в славянскую мифологию, прослеживается в творчестве Гоголя. «Свое» степное пространство воспринимается автором как феноменологическое, обособленное, но полноценное по своей сути. Степь, являясь домом для казаков,

исторически формирует их менталитет. В ходе исследования также отмечено, что мифологемы матери и дома связаны в творчестве Гоголя лишь с малороссийскими степями, при описании калмыцкой степи автор выступает в роли стороннего наблюдателя. Мифологема степь-дом возникает и в творчестве Пушкина в связи с образом Пугачева. Однако прочитывается она не как миф, а скорее как констатация исторического факта: степь действительно дом для донского казака Пугачева и его последователей, яицких казаков. С мифологизацией данного пространства в творчестве автора скорее соотносится образ цыган и мотив ухода в степь.

Мифологическое представление о степи в творчестве Горького связано с философией космизма, под влиянием которой возникают художественные модели пространства: степь под куполом неба, степь — ось, опора неба. Следуя традициям русского романтизма, Горький в поисках утраченного рая и свободы обращается к образу степи. Сами природные реалии, бесконечность, ширь, необъятность диктуют художественные ассоциации со свободой и волей. В творчестве Лермонтова мифологема степи-свободы, по нашему мнению, трактуется в зависимости от литературного направления, в рамках которого творит автор. В романтических произведениях степь является лексическим синонимом свободы. Реалистический же степной пейзаж выполняет функцию психологического фона, освобождает героя от тяжелых дум.

Символические ассоциации с миром степных кочевников возникают в творчестве Пушкина, Лермонтова и Чехова, и связаны они с образами каменных баб и курганов. Эти артефакты являются знаками прошлого и былого могущества людей, их сотворивших. В путевых заметках, отличающихся точностью в описании быта и нравов, авторы (Пушкин, Гоголь, Писемский) апеллируют к прошлому и сравнивают его с нынешним незавидным положением кочевых народов. Демифологизация касается и образа степного разбойника, который к концу XIX века был окончательно лишен романтического ореола и представлен в творчестве Чехова и Горького жестоким злодеем.

В заключение отметим, что круг авторов и произведений, в которых происходит мифологизация степного пространства, не исчерпывается представленными и несет в себе большой потенциал для дальнейшего исследования.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — М. : Индрик, 2005. — 1004 с.
2. Бергман Ф. Г. Скифы, предки германских и славянских народов. — Галле, 1860. — 168 с.
3. Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой орды. — Казань : «Фэн» АН РТ, 2010. — 192 с.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. — М. : АСТ, 1918. — 384 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. — Т. 1. — 1940. — 693 с. ; Т. 2. — 1938. — 591 с. ; Т. 8. — 1952. — 1149 с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1955. — Т. 1. — 1949. — 873 с. ; Т. 3. — 1949. — 893 с.
7. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. — М. : Эксмо, 2009. — 1007 с.
8. Дубровская С. А. Образ степи в смеховом мире Н. В. Гоголя // Инженерные технологии и системы. Сер. «Языкознание и литературоведение». — 2011. — С. 109–112.
9. Иванов П. С. Образы стихий и пространственная картина мира в поэзии А. С. Пушкина (мотивный комплекс, мифопоэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Красноярск, 2010. — 19 с.
10. Иванов Н. Н. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького // Верхневолжский филологический вестник. Языкознание и литературоведение. — 2018. — № 2. — С. 31–39.
11. Кондратьева В. В. Уезд, деревня, степь: к вопросу о топографии провинции в произведениях А. П. Чехова // Известия Южного федерального университета. Литературоведение. — 2013. — № 2. — С. 49–57.
12. Кононова С. А. Казачья картина мира и текста «степь» в языке М. А. Шолохова // Известия высших учебных заведений. Языкознание и литературоведение. — 2007. — С. 17–19.
13. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. — М. : АСТ, 2010. — 528 с.
14. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961–1962. — Т. 6. — 1957. — 826 с.
15. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М. : Просвещение, 1988. — 292 с.
16. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». — СПб. : Академ. проект, 1996. — 280 с.
17. Мароши В. В. Люди огня: к символике цыганского мифа в русской и европейской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. Литературоведение. — 2019. — № 3. — С. 53–66.
18. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. — 296 с.

19. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе : учеб. пособие. — М. : Изд-во РГГУ, 2001. — 168 с.
20. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. — М. : Худож. лит., 1972. — 576 с.
21. Немзер А. С. Об «антиисторизме» Лермонтова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. — 2001. — № 4. — С. 204–221.
22. Пиксанов Н. К. Горький и фольклор. — М. : Худож. лит., 1938. — 192 с.
23. Писемский А. Ф. Полное собрание сочинений : в 24 т. — М. : Изд-во Т-ва М. О. Вольф, 1895–1896. — Т. 2. — 1895. — 324 с.
24. Полонский Я. П. Полное собрание сочинений : в 10 т. — СПб. : Изд-во Ж. А. Полонской, 1885–1886. — Т. 1. — 1885. — 488 с.
25. Понизовкина И. Ф. Историческая память и культурно-мифологическое пространство // Социально-гуманитарные знания. Прочие социальные науки. — 2017. — С. 139–144.
26. Потеня А. А. Слово и миф. — М. : Правда, 1989. — 622 с.
27. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 4. — 1937. — 483 с. ; Т. 6. — 1957. — 697 с. ; Т. 9. — 1958. — 464 с.
28. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М. : Наука, 1981. — 640 с.
29. Соколова А. А. Образ города в представлениях жителей малых городских и сельских населенных пунктов Подолии // Свой или чужой? : сб. ст. науч. конф. — М., 2003. — С. 320–359.
30. Федотов Г. П. Рождение свободы. Судьба и грехи России : в 2 т. — СПб. : София, 1992. — Т. 2. — 352 с.
31. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М. : Изд-во МГУ, 1966. — 276 с.
32. Флоренский П. А. Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Мысль, 1994. — Т. 1. — 806 с.
33. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1974–1983. — Т. 7. — 1977. — 739 с.

References

1. Afanasyev A. N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1004 p. (In Russian).
2. Bergman F. G. *Skify, predki germanskikh i slavyanskikh narodov* [Scythians, ancestors of the Germanic and Slavic peoples]. Halle, 1860, 168 p. (In Russian).
3. Veselovsky N. I. *Trudy po istorii Zolotoy ordy* [Works on the history of the Golden Horde]. Kazan, “Fen” of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2010, 192 p. (In Russian).
4. Berdyayev N. A. *Sudba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, AST Publ., 1918, 384 p. (In Russian).
5. Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1952, vol. 1, 1940, 693 p.; vol. 2, 1938, 591 p.; vol. 8, 1952, 1149 p. (In Russian).
6. Gorky M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 25 t.* [Complete works: in 25 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949–1955, vol. 1, 1949, 873 p.; vol. 3, 1949, 893 p. (In Russian).
7. Dal V. I. *Posloviitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, 2009, 1007 p. (In Russian).
8. Dubrovskaya S. A. The image of the steppe in the comic world of N. V. Gogol. *Inzhenernyye tekhnologii i sistemy. Ser. “Yazykoznaniye i literaturovedeniye”* [Engineering technologies and systems. Ser. “Linguistics and Literary Studies”]. 2011, pp. 109–112. (In Russian).
9. Ivanov P. S. *Obrazy stikhiy i prostranstvennaya kartina mira v poezii A. S. Pushkina (motivnyy kompleks, mifopoetika)* [Images of elements of nature and the spatial picture of the world in A. S. Pushkin’s poetry (motivic complex, mythopoetics)]. Abstract of dissertation ... of candidate of philology: 10.01.01. Krasnoyarsk, 2010, 19 p. (In Russian).
10. Ivanov N. N. Mythopoetics in M. Gorky artistic consciousness. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik. Yazykoznaniye i literaturovedeniye* [Upper Volga Philological Bulletin. Linguistics and literary criticism]. 2018, iss. 2, pp. 31–39. (In Russian).
11. Kondratyeva V. V. County, village, steppe: to the issue of the topography of the province in A. P. Chekhov’s works. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Literaturovedeniye* [News of the Southern Federal University. Literary studies]. 2013, iss. 2, pp. 49–57. (In Russian).
12. Kononova S. A. The Cossacks’ worldview and the “steppe” in M. A. Sholokhov’s speech. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Yazykoznaniye i literaturovedeniye* [News of higher educational institutions. Linguistics and literary criticism]. 2007, pp. 17–19. (In Russian).
13. Levkiyevskaya E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow, AST Publ., 2010, 528 p. (In Russian).
14. Lermontov M. Yu. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1961–1962, vol. 6, 1957, 826 p. (In Russian).

15. Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol* [In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988, 292 p. (In Russian).
16. Manuylov V. A. *Roman M. Yu. Lermontova "Geroy nashego vremeni"* [Roman M. Yu. Lermontov "A Hero of Our Time."]. St. Petersburg, Academicheskyy proyekt Publ., 1996, 280 p. (In Russian).
17. Maroshi V. V. People of fire: to the symbolism of the Gypsy myth in Russian and European literature of the 19th century. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal. Literaturovedeniye* [Siberian Philological Journal. Literary studies]. 2019, iss. 3, pp. 53–66. (In Russian).
18. Medrish D. N. *Literatura i folklornaya traditsiya. Voprosy poetiki* [Literature and folklore tradition. Issues of poetics]. Saratov, Saratov University Publ., 1980, 296 p. (In Russian).
19. Meletinsky E. M. *Ot mifa k literature: ucheb. posobiye* [From myth to literature: study guide]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001, 168 p. (In Russian).
20. Nadezhdin N. I. *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1972, 576 p. (In Russian).
21. Nemzer A. S. On Lermontov's "anti-historicism". *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedeniye* [Works on Russian and Slavic philology. Literary studies]. 2001, iss. 4, pp. 204–221. (In Russian).
22. Pksanov N. K. *Gorkiy i folklor* [Gorky and folklore]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1938, 192 p. (In Russian).
23. Pisemsky A. F. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 24 t.* [Complete works: in 24 vols.]. Moscow, M. O. Wolf Publ., 1895–1896, vol. 2, 1895, 324 p. (In Russian).
24. Polonsky Ya. P. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.]. St. Petersburg, Zh. A. Polonskaya Publ., 1885–1886, vol. 1, 1885, 488 p. (In Russian).
25. Ponizovkina I. F. Historical memory and cultural-mythological space. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya. Prochiye sotsialnyye nauki* [Social and humanitarian knowledge. Other social sciences]. 2017, pp. 139–144. (In Russian).
26. Potebnya A. A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 622 p. (In Russian).
27. Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959, vol. 4., 1937, 483 p.; vol. 6, 1957, 697 p.; vol. 9, 1958, 464 p. (In Russian).
28. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 640 p. (In Russian).
29. Sokolova A. A. The image of the city in the perceptions of residents of small urban and rural settlements of Podolia. *Svoy ili chuzhoy? Sb. st. nauch. konf.* [Yours or alien? Collection of articles from a scientific conference]. Moscow, 2003, pp. 320–359. (In Russian).
30. Fedotov G. P. *Rozhdeniye svobody. Sudba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Birth of Freedom. Fate and sins of Russia: in 2 vols.]. St. Petersburg, Sofiya Publ., 1992, vol. 2, 352 p. (In Russian).
31. Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow, Moscow State University Publ., 1966, 276 p. (In Russian).
32. Florensky P. A. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, 1994, vol. 1, 806 p. (In Russian).
33. Chekhov A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1974–1983, vol. 7, 1977, 739 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сторожева Анастасия Алексеевна — магистр филологии, соискатель кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: локальные тексты русской литературы, степной текст в древнерусской литературе и литературе XVIII–XIX веков.

Information about the author

Storozheva Anastasia Alekseevna — master of philology, applicant at the Department of Literature at Rязan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: local texts of Russian literature, steppe text in ancient Russian literature and literature of the 18th–19th centuries.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 24.01.2024; accepted for publication 08.04.2024.